

Мощный ИЛ-76 с десантниками на борту, пересекая границы союзнических государств, направлялся к заданному району совместных военных учений. Полет несколько затянулся: первоначально взятый курс был изменен. По какой-то причине власти Чехословакии не предоставили российскому самолету воздушного коридора. Пришлось лететь к месту выброса десанта окольным путем — через Польшу.

Инцидент, удлинивший маршрут, задал лишнюю работу экипажу, да и заставил командование на ходу вносить поправки в разработанное на земле задание. Большинство же пассажиров военно-транспортного самолета спокойно восприняло сбой в графике полета. Каким путем доставят их, солдат, в нужный район — не их головная боль, а пилотов и командиров. У них же, десантников, свои задачи, и лишние минуты отдыха не мешают перед предстоящими испытаниями. Они расположились на трех, по длине «горбатого» (так называли между собой военные ИЛ-76), скамьях: на двух вдоль бортов и одной двояной — посередине, где парашютисты сидели в два ряда спиной к спине.

После взлета на борту некоторое время царил покой, но вскоре оживление, каким всегда, как правило, сопровождается подъем в воздух, первые минуты полета. Вчерашние новички с юношеским задором и непосредственностью, «бывалые» с подчеркнутым видом превосходства, деловито и сдержанно обменивались впечатлениями, замечаниями, вызванными у них начавшимся рейсом. Ручейки разговоров то тихо журчали, то шумно бурля, разливались внутри «горбатого». Но постепенно голоса таяли, пока, наконец, совсем не иссякли.

Монотонный гул работающих турбин, густой нагретый воздух от дыхания и тепла более двухсот молодых людей, помещенных вместе в ограниченном пространстве, тусклый электрический свет, поглощаемый неяркой тканью униформы, ублаживающе действовали на не выпавшихся минувшей ночью десантников. Вся эта докучливая обстановка, словно густым туманом, обволакивала находящегося на борту, погружала в волны сладостной дремы.

«Затерялся», «растворился» в плотном скоплении сослуживцев и командир взвода десантного полка, старший прапорщик Евгений Самоходкин. Как и они, Евгений расслабился. Ранняя побудка, многие часы наземной подготовки, заботы предыдущего дня не прошли бесследно и для него, физически крепкого, натренированного молодого человека. Он прикрыл набухшие веки, забылся. Но не надолго. Тело приятно разлившилось по нему теплом отдаленного и казалась отделенным от сознания, которое продолжало работать. Все впечатления, отложившиеся в нем до вылета с родного аэродрома, вновь четко воскресали в его памяти, становясь здесь, в другом пространстве, над неизвестной ему землей, более значительными. Их десантный полк подняли на учебной тревоге в три часа ночи, когда сон особенно крепок у молодых, здоровых людей. За окнами казармы было еще темно. Августовская ночь выдалась теплой, тихая, звездная.

— Вот бы нам такую погоду приготовили там, — мечтательно сказал Евгений своему непосредственному командиру, капитану Терехову, когда они вышли из казармы.

Хорошо бы, — согласился немногословный командир роты.

До вылета полк ВДВ в течение почти шести часов на КП аэродрома проходил окончательную, скрупулезную проверку всех и всего, подготовку к которой начал еще днем раньше в своих подразделениях. Самоходкину вспомнились долгие минуты, проведенные на стоянке самолетов в ожидании, когда закончится контрольный осмотр десантников соседней роты. Огромный ИЛ, на котором им предстояло лететь, стоял еще зачехленным и опломбированным.

Недалеко от него, прямо на бетонных плитах, уже согретых утренними лучами, расположились со всей своей амуницией солдаты и офицеры. Но только наблюдательный глаз мог уловить эти воинские и другие служебные различия, внешне скрываемые одинаковой для всех полевой войсковой формой. Взгляд Самоходкина отличал: этот — новичок, сидит, словно прикованный к парашютному ранцу, другому снаряжению; а тот — выдавший виды офицер, держится уверенно, отпустил не только верхние, но и нижние подвесные ремни...

Воспоминания Евгения прервало сообщение, переданное по бортовому радио: «Высота — 1300 метров, скорость ветра у земли — 18 метров в секунду», — донесли до него четко выговариваемые слова.

И снова на борту корабля привычный гул мощных турбин, заглушающий звуки мерного дыхания дремавших и бодрствующих десантников. Но очень скоро полусонная атмосфера внутри ИЛА стала оживать. Зашелкали затворы замков пристегиваемых ремней, лямок, послышался громкий говор.

Самоходкин сделал несколько выработанных в подобных случаях движений, чтобы размять начинающие затекать от долгого сидения мышцы. Словно в сосуде с застоявшейся жидкостью, он ловко «переливал» энергию из одних в другие участки тела, быстро возвращая ему необходимую гибкость и бодрость. Разминались и другие десантники. К тому их побуждало только что прозвучавшее сообщение — предварительный сигнал быть готовыми к высадке, которая, судя по доведенной до них сводке, не обещает «бархатного», мягкого приземления. Подумать только: скорость ветра у земли вдвое превышает оптимальную для десантирования.

«Неласковой будет встреча с землей, — тревожился Самоходкин за тех ребят, которые не прошли, как он, экзаменов на прыжком с парашютом в штормовой ветер. — А я там у себя размечтался о безветренной погоде», — с чувством неловкости вспоминал он свои слова, сказанные минувшей ночью командиру роты.

Немногие десантники полка имели такой богатый послужной список прыжков, в том числе и в самых сложных метеоусловиях, каким обладал Самоходкин. На его счету их было уже 117. И сейчас, беспокоясь за исход ожидаемого выброса, он подбадривал солдат вверенного ему взвода, давал им последние наставления, как действовать при спуске и приземлении в условиях непогоды.

— Делаем второй заход над полигоном, — услышали десантники хорошо знакомый им голос. Говорил вышедший из пилотной командир полка, крепко сбитый, коренастый, лет сорока мужчина с тонкими, еле заметными черными усиками. — Предыдущее сообщение остается в силе. Напоминаю: высота — 1300 метров, скорость ветра у земли — 18 метров в секунду.

Вячеслав Корытко НА ПУТИ К ЗЕМЛЕ

Рассказ

Сделав короткую паузу, спросил для проформы:

— Ну что, орлы, будем прыгать?

И, не получив на свой вопрос ни «да», ни «нет» (иначе и не должно было быть: решение единолично принимает командир), полковник повелел и одновременно благословил:

— Тогда с Богом!

Через проемы открывшихся люков и рампы на борт ИЛА вместе с дневным светом влетел ветер, разряжая душный, застоявшийся воздух, как ушатом холодной воды освежая десант. Под матовым стеклом плафона

С творчеством Вячеслава Николаевича Корытко давно знакомы наши читатели. Журналист, ответственный секретарь Злынковской газеты «Знамя» давно и плодотворно трудится и на литературном поприще. Недавно вышедший из печати сборник стихов и рассказов «Чаша бытия», тем не менее, стал первым персональным его представлением в отдельном издании. Литературное дарование автора привлекает цельностью и мудростью человека, достаточно повидавшего на своем веку. В строках его произведений мы ощущаем глубокий пласт жизненного опыта, заставляющий нас задуматься о многих девальвированных ныне ценностях. Предлагаемый рассказ из сборника как раз и выполняет эту гуманистическую миссию.

предупредительно замигал, сопровождая пронзительный сиреной, красный глаз сигнала («Приготовиться!») Несколько секунд спустя его сменил зеленый свет «Пошел!»

И вот уже десантники покидали корабль. Шагнув за борт, Самоходкин, ощущая на лице отвесиваемые хлеставшим ветром пощечины, считал про себя: «501... 503». На это уходит три секунды, необходимые для раскрытия парашюта стабилизатором. На случай осечки Евгений держал правую руку слева на груди — на кольце ручного раскрытия парашюта.

Воздушный поток подхватил выпущенный из ранца шлейф строп и шелк ткани, проворно развернул и натянул ее, как парус. Всего этого зрелища, происходящего за своей спиной, Евгений не видел. Сразу, как только произнес «503», он услышал, как ожидал, мощный сухой хлопок и, поддерживаемый множеством подобных «выстрелов» вокруг, ощутил одновременно на себе такой сильный рывок, от которого на миг потемнело в глазах. Только что неудержимо несущееся с нарастающей скоростью вниз его тело вдруг подбросило вверх, удерживая секунду другую в неизменном, застывшем положении, как будто сила, приостановившая падение, торжествовала и давала здесь, на высоте, почувствовать человеку иначе, чем там, внизу, свободу, целиком отрешая его от земных забот.

Взором парящего орла окидывал Евгений небесный простор. В нем на голубых воздушных волнах колыхались белоснежные лотосы куполов парашютов, а еще далеко внизу нечетко просматривались черты земной тверди.

Не успев выйти из состояния необычайной легкости, окрыленности и спокойного, торжественного созерцания с высоты, Евгений услышал над собой сквозь гул удаляющегося самолета резкий шуршащий звук. Бросив взгляд вверх, на шатер своего парашюта, он с ужасом увидел у самой его кромок толстые подошвы чьих-то ботинок. Они скользили по туго натянутой ткани, готовые вот-вот сорваться с нее. А выше, над «пришельцем», беспомощно трепыхался какой-то весь в складках, сигарообразный зонт парашюта.

Страшная догадка жаром охватила Евгения, интуитивно побуждая к незамедлительному действию. «Сделай же что-нибудь! Сделай!» — требовал внутренний голос.

Повинуясь порыву что-либо предпринять, руки его, подобно стремительно разжавшимся пружинам, выбросились в сторону уже соскользнувших с края купола ног незнакомца. С ловкостью воздушного гимнаста, работающего под сводом цирка на трапедии, он намертво ухватился пальцами за бегущие вниз стропы, притягивая их к себе и пытаясь удержать. Горячими змеями скользили они в крепко сжатых кистях по пальцам, ладоням, обжигая их и оставляя на них глубокие раны. Но Евгений не выпускал канатов из рук.

В пылу какого-то прилива ярости он не замечал боли окровавленных рук, ни предельного напряжения мышц, ни опасно ускорившегося спуска его парашюта за счет «прицепа». Он только мельком, словно в крутящемся колесе, видел белое, совершенно бескровное лицо спасаемого да расплывчатое пятно приближавшейся земли. «Успеть до земли! Успеть!» — эта

мысль подхлестывала Самоходкина в его действиях. И он отчаянно продолжал схватку с мелькающими перед глазами тросами, наминавшими коварные щупальца живого гигантского спрута. Напрягая все силы, превозмогая нестерпимую боль израненных рук, Евгений стал наматывать ими стропы на колени согнутых и подтянутых к груди ног, перенося на них нагрузку с почти бесчувственных рук. И это ему удалось. Теперь дрожащими от усталости, но освобожденными от чрезмерного напряжения руками он быстро и ловко распутывал захлесты строп.

И вот — победа! Скользящий зонт, вобрав в себя «полной грудью» воздух, расправился, упруго и выпукло выгнулся, приняв безопасную для спуска парашютиста форму. Но прежде, чем отпустить от себя «гостя», Евгений, перекрывая шум буйного ветра, радостно крикнул: «Все в порядке! Соberись! Приземляемся!» На белом, словно гипсовом, лице молодого десантника появилась вымученная улыбка.

Волны шквального ветра то накрывали купола, придавливая их к нему, то ускорая спуск, то взмывали, подбрасывая парашютистов вверх, то остренно швыряли их в сторону. И в этой болтанке Самоходкин не упустил из виду своего подопечного, парашют которого шел чуть ниже и то относился ветром, то вновь сближался.

Огромное поле танкового полигона со множеством коробочек (то были автомашины «скорой помощи»), расставленных в ряд по двум сторонам, стремительно надвигалось на спускавшихся. Земля все быстрее и быстрее летела навстречу им, грозя смять, раздавить всей своей пугающей массой. И это ощущение, когда кажется, что не ты приближаешься к земле, а она на тебя надвигается своей гигантской грудью, было хорошо известно Евгению.

Раньше, совершая свои первые прыжки, он испытывал перед приземлением пробегающий по спине холодок страха. И не сразу он научился укрощать в себе при возвращении на землю это натягивающее нервы чувство. Сейчас же десантник вспомнил о парализующем воздействии страха при встрече с землей, переживая за исход приземления своего не совсем опытного коллеги.

«Господи, помоги ему!», — молил Самоходкин. И в это время где-то рядом услышал сквозь ослабевший на миг шум ветра шлепок о землю. «Приземлился», — решил комвзвода.

Каким был контакт с землей молодого десантника, Евгений тогда еще не знал: ветер относил его парашют дальше от места приземления однополчанина, и все внимание старшего прапорщика в эти мгновения было обращено на неотвратимо набегающий серый покров полигона.

Земля всколыхнула ударила в подошвы его ботинок и понеслась под ним так, как бежит асфальт под колесами мотоцикла со скоростью 80—100 километров в час. Устоять на ногах при таком движении невозможно. Через десяток метров ноги десантника подкосились, не выдержав заданного им темпа спринтерского бега. Непогашенный купол парашюта, подгоняемый сильным ветром, неудержимо увлекал за собой. Плохо послушные от нестерпимой боли и усталости руки не сразу справились с «выключением» парашюта. Когда же, наконец, это удалось, Евгений, впопыхах освободившись от пут спускаемого аппарата, бросив все снаряжение на месте, что никогда не делал раньше, бросился к месту приземления своего недавнего спутника.

Десантник лежал ничком неподвижно, зажав в руках бездействующие канаты. К нему бежало несколько человек.

Евгений освободил парня от парашютных связей, повернул нескладное и, как показалось ему, бездыханное тело на спину. Бледное лицо выглядело безжизненным. Комвзвода быстро расстегнул куртку, ворот гимнастерки, приложил голову ухом к груди.

— Что с ним? — спросил кто-то за его спиной.

— Похоже, потерял сознание. Надо воды.

Из армейской фляжки тут же окропили водой лицо парашютиста. Никакой реакции. Похлопали по щекам ладонями. Парень открыл глаза.

— Где я? — спросил тихо.

— Там, где и должен быть, на земле, — успокоил его спасатель.

— Женя, что случилось? — тут же услышал Самоходкин голос запыхавшегося от бега командира роты.

Самоходкин поднялся с земли. Весь его вид без слов говорил о пережитом. Перед командиром роты стоял изможденный, с залпавшими глазами, серым лицом взводный, совсем на похожий на прежнего. Так сильно, до неузнаваемости, изменился он всего за несколько минут. Руки десантника напоминали клешни рака, только что вытасканные из кипятка.

— У парня не раскрылся парашют, захлестнуло стропы, — указал взглядом Евгений на уже вставшего па ноги парашютиста и осматриваемого врачами.

— Да тебе же надо немедленно в госпиталь, — спохватился комроты. — Там подлатают твои длани.

Почти две недели держали Самоходкина в госпитале, «штопая» изуродованные парашютными тросами крепкие, некогда крестьянские руки.

Когда возвратился в полк (ученья уже закончились), его сразу нашел «крестник».

— Евгений Ильич, я вам очень обязан, сказал, волнуясь, высокий, симпатичный солдат.

— Чем же обязан?

— Жизнью. Вы мне жизнь спасли.

Ладно, ничем ты мне не обязан, — смущенно отмахнулся комвзвода.

Антонина РАДЧЕНКО ПУШКИН

В Царскосельском парке среди аллеи Любил мечтать он на зеленом лоне... И очень часто, вместо голубей, Сплетались рифмы на его ладони.

И к нянюшке, прикинув, чутко спал, Ночник копил, сова в саду кричала... Он и во сне слова в венки вплетал, Их кружево прелестной сказкой стало.

В поэзии он был и царь, и князь, И стихотворных созданий плотник. Простых, понятных слов живая вязь... «Летучих рифм — удачливый работник».

В кругу друзей и на балах блистал, Живой, как ртуть, питомец чистых муз. Минул декабрь и с горечью узнал — Распался тех друзей прекраснейший союз.

И красный снег, дуэль на Черной реке...

И губы, что шептали «Натали»... Он был — все достояние России, И все ж, увы, его не сберегли.

И с той секунды, как поэт затих, Откинувшись в атласные подушки, Двухсотлетней творческой волной Прокатится навечно над землей Святое имя — Александр Пушкин.

Любовь ФЕДОРОВА МУЗА

Меня сегодня муза посетила Тихонечко, без пыла и огня. В своей груди ее я приютила, Но не надолго. Не пройдет и дня

Она меня покинет непременно, Ей надоест вся серость суеты. Зачем ей жить в груди без вдохновенья, Со мною вместе подводить черты?

Со мной в смиренье жить не гоже, Ходить за мною словно тень. Но как она на радуго похожа — Та ж не сияет каждый божий день!

Людмила СТАРОДУБЕЦ САМЫЙ ЛУЧШИЙ

Город мой — ни с чем не схожий, На поселок он похожий. Зелен, яблонки кругом — Здесь живу и здесь мой дом.

Я люблю свой город мирный. Он красивый, в меру стильный. Это скажут даже дети — Самый лучший он на свете!

Зоя ЗАЙЦЕВА

* * *

Город лесов и полей, Яблонь, цветущих весной, Нет ничего мне милей! Город, я полностью твой!

Станислава БАУЛИНА

* * *

О Гезгалы, мой городок! Плотина, башня и лесок, Родной мой клуб и остановка, Родная школа, речка, горка, Родное озеро, друзья И первый мой учитель... Мой тихий рай, моя обитель!

Галина ОРЕХОВА

* * *

Спасибо, милый, за стихи, Я их с волнением читала. Ты тот, о ком я так мечтала, Придумав первые стрихи: Надежный, искренний и страстный До глубины своей души. Судьба свела нас не напрасно В осенней утренней тиши. Своєю нежною строкою Ты воспевашь идеал. Возможно, стану я такою, Какую ты всегда искал. Возможно, стану я такою И вместе мы продолжим путь. И распрощаемся с тоскою Когда-нибудь, когда-нибудь...